

Алексей Поселенов

рассказы

РЫБОЛОВЫ

Лето, июль, жара... Сушь стоит несусветная, и скоро месяц как нет дождей.

Я сижу с удочкой на берегу небольшого пруда и уже сто раз пожалел, что приехал сюда так рано. Живу я в небольшом городишке в сорока километрах отсюда. Там, в городе, – вообще пекло. Асфальт плавится, и подчас кажется, что скоро начнёшь сам плавиться вместе с ним. Поэтому-то, когда посреди недели выдалась пара неурочных выходных, я не усидел дома и рванул на рыбалку в надежде, что здесь у воды будет полегче. С утра управился с кое-какими делами, запарил по-быстрому перловку, кинул в машину удочку, нехитрый рыболовный скарб, взял еды и – вперёд!

Нынче я всего только два раза выбирался на рыбалку. Было это ещё в мае, и было там, у себя, недалеко от дома. А сегодня решил махнуть с ночёвкой сюда, подальше от надоевшего города. Но мои надежды на прохладу у воды не оправдались: на берегу, где я сижу, тени нет вовсе, и спрятаться от зноя некуда.

Я надвинул на глаза широкополую сетчатую шляпу и прячусь под ней от жгучих лучей солнца. Оно нехотя ползёт по небосклону, и ему безразлично, как мы тут: выживем – хорошо, нет – да и ладно... С озера нет даже самого лёгкого ветерка. Всё живое попряталось в тень, в кусты, и только мухи да оводы, кажется, рады этому пеклу, им всё нипочём. Пододвинув раскладной стульчик вплотную к воде, я разулся и сунул ноги в воду.

Пруд этот можно назвать деревенским: на другом берегу за пригорком, примерно в километре, лежит небольшое село. Отсюда прекрасно слышно, как там время от времени ревет трактор, вяло тявкают собаки, нет-нет да зарорёт заполошно заблудившийся во времени петух. Всё-таки жизнь продолжается, несмотря ни на что.

С одной стороны в пруд впадает небольшая речушка, там начинается густой лес, настоящая тайга. С противоположной, там, где дамба – раскинулась степь, там желтеют поля, засеянные рожью.

На пригорок прямо напротив меня вышли коровы деревенского стада. Устало переваливаясь с боку на бок, они лениво поплелись вниз к воде. Вслед за ними на холме показался пастух. Звонко щёлкнул своим бичом, длинно заругался: «А ну-у-у... мать... куды... твою... прёшься...». Не обращая на него никакого внимания, коровы выстроились вдоль берега, вытянули шеи и стали жадно пить тёплую воду, беспрестанно обмахиваясь хвостами. Те, кого вовсе измучили жара да слепни, пошли дальше, вглубь, окуная в воду круглые свои бока и мотая головами. Пастух ещё пару раз ругнулся, слез с коня и спрятался в тень одинокой раскидистой берёзы.

Я сижу уже три с лишним часа, и за это время не было ни одной поклёвки. И других рыбаков поблизости нет, чтоб спросить, как тут в последние дни обстоят дела с рыбалкой. «Может, я один такой бестолковый, в это пекло сюда

заявился? Ладно, надеюсь, ближе к вечеру кто-нибудь всё же клонет». Я проверил, как сидит на крючке перловка, и, сделав новый заброс, положил удилице на рогульки.

Встав, я зачерпнул в пригоршню воды и ополоснул лицо. Заглянул в машину, стоявшую с распахнутыми дверями, посмотрел на часы – ровно семь. Время, хоть нехотя и медленно, но всё же шло, и огненный, пышущий зноем шар наконец-то стал сползать в сторону пригорка на противоположном берегу.

Вернувшись на место, я посмотрел на гусиный поплавок. Он словно ждал этого – дёрнувшись пару раз, стал медленно подниматься и, заваливаясь набок, пошёл в сторону ближайших камышей. Схватив удочку, я быстро подсёк. Леска натянулась, но сопротивление было недолгим. Через пару секунд серебристый карасик размером с ладошку трепыхался на берегу в траве.

Отцепив карася, я достал из багажника садок, положил в него рыбёшку и, опустив в воду, облегчённо выдохнул: «Фу-у... Ну наконец-то. Хоть не зря приехал». Нацепив на крючок пару свежих зёрен перловки, я снова закинул удочку и бросил к поплавку свежую прикормку. На душе стало чуть веселей.

Минут через десять я вытащил второго карасика, и дело пошло. К половине девятого в садке было уже около двух десятков мерных рыбёшек. Настроение поднялось, и я даже перестал думать о жаре, мучившей меня полдня.

Солнце медленно, но верно катилось к горизонту, а на смену ему с противоположной стороны в ещё довольно светлое небо уже поднималась бледная луна. От воды на берег отчётливо потянуло долгожданной прохладой, и я наконец-то скинул надоевшую за день шляпу.

Стало тихо, только стрекотали кузнечики в нагретой за день траве. Коровы с пастухом давно ушли, и противоположный берег опустел. Через некоторое время ветерок усилился, и по озеру пошла мелкая рябь, после чего клёв прекратился так же резко, как и начался пару часов назад.

Оставив удочку заброшенной, я стал заниматься костром. Надо было сварить какую-нибудь похлёбку и поужинать. Дрова я предусмотрительно захватил с собой из дома. Сложив их домиком, я зажёл огонь, который быстро охватил сухое дерево, начавшее тут же весело постреливать весёлым салютом мелких искр.

Засмотревшись на огонь, я не услышал шагов позади себя.

– Добрый вечер, – раздался голос, и я, чуть вздрогнув от неожиданности, обернулся.

Метрах в пяти стояли двое: парнишка лет двенадцати-тринадцати и старик.

Старику на вид было уже лет под восемьдесят, а может, и больше: высокий, статный, с прямым крупным носом и длинной окладистой бородой. На нём была старая, давно выцветшая фетровая шляпа с обвисшими полями и не менее старый, застиранный, с заплатами на локтях, пиджак. Под пиджаком – рубаха, аккуратно застёгнутая на все пуговицы. На ногах – высокие, до колен, резиновые сапоги.

Парнишка тоже был в сапогах, но одет полегче: чёрные трико с вытянутыми коленками да футболка с короткими рукавами. Лёгкая кепочка с пластиковым козырьком прикрывала шевелюру почти бесцветных волос. За спиной у мальчика висел большой полупустой рюкзак.

Оба держали в руках по удочке, сделанной из тальника. Старик упёр свою комлем в землю и слегка облокотился на неё.

Я кивнул подошедшим в ответ:

– Здравствуйте.

– Ну, как рыбалка? – старик спокойно и прямо смотрел на меня. – Есть что или пусто?

– Да есть маленько, – улыбнулся я. – Сперва сидел, совсем глухо было, а часов в семь поклевало немного, десятка два карасиков выудил. А вы как? Тоже здесь рыбачили? Я вас не видел.

– Нет, мы не на пруду, мы по речке ходили, – мотнул головой в сторону леса старик.

Парнишка переступил с ноги на ногу.

– Говорил я тебе, надо было на озеро идти, – тихонько сказал он, сердито глянув на старика, – а ты заладил своё: «По речке походим, по речке...». Только крапивой все искололись. – Нагнувшись, он энергично почесал коленку.

– Крапива – это ничего... Здоровее будешь, она пользительная, – так же тихо ответил ему дед. – Кто же знал, что тут вечером клевать будет?

– У меня интуиция, я чувствовал, – буркнул мальчик и повернул голову к озеру.

– Вчера твоя интуиция тоже говорила, что здесь клевать будет, и чего? – покосился на него старик. – Просидели до обеда, так ни одной рыбки и не поймали.

– У меня сорвалась одна, сам же видел...

– Ну и как там, на речке? Наловили чего? – вклинился я в их спор.

– Да ну... – мальчик нахмурился. – Только день зря угробили.

– Неужели совсем ничего?

– Ну почему ничего? С утра восемнадцать песканов выудили, и у меня ещё два чебака сорвались, – мальчишка шмыгнул и потёр ладошкой нос. – А после обеда вообще клевать перестало. Ещё четырёх пескарей маленьких да шесть голянов поймали, и всё.

– Ты, прям, считал всех? – подмигнул я ему.

– Ну а как? – простодушно посмотрел он на меня. – Я всегда считаю.

– Так вы с самого утра, что ли, ходите? – я перевёл взгляд на старика и подумал: «Как же он в такое пекло в пиджаке да в рубахе застёгнутой ходит? Да ещё и в сапогах резиновых, ведь это свариться можно».

– Ну да, с утра, – кивнул тот. – Часов в восемь пошли, до большого жару ещё.

– А потом? Зной такой...

– Ну так чего... Жар, он костей не ломит, – дед невозмутимо пожал плечами.

– Когда холодно, так хуже.

– Ага, хуже... – парнишка исподлобья глянул на своего спутника. – Я-то три раза за день купался, а он – шляпу намочит и на голову. Говорил, не одевай пиджак, всё бы полегче было, так заладил своё: «Как я без пиджака пойду». В театр, что ли, собрался? Хоть бы там снял, в рюкзак положить, и то нет...

Я улыбнулся. Было интересно слушать это беззлобное препирательство между старым да малым.

– Внук? – спросил я деда, кивнув на мальчишку.
– Внук... На каникулы приехал, вот рыбалить и ходим, ему интересно.
– Ха, – иронично усмехнулся мальчик, – да тебе самому в сто раз интереснее! Можно подумать, ты один без меня на рыбалку не ходишь.
– Почему не хожу, хожу, конечно, когда тебя нет, а как же... – старик снова повёл плечами.

– Ну вот. А чего тогда говоришь, что мне интересно?
– А что, разве не интересно? Кто меня уговорил сёдни рыбалить пойти?
– Ну я... Так ты и не отказывался, сам вперёд меня побежал.
– А чего мне отказываться? Дома-то чего делать? На лавке сидеть, ворон считать? В огороде старуха управляется, там сейчас делать особо и нечего, а так хоть у воды побыть, всё радость. Уж бог с ней, с рыбой...

– Ага, радость... – мальчик снова почесал красный, облезлый от загара нос и посмотрел на меня. – Сегодня чуть не помер, я аж перепугался.

– Как это? – удивился я. – Почему?
– А походи разбери его, почему. Может, от старости, а может, от жары. Одежда-то... Ещё и рубаху на все пуговицы застегнул. И каждый раз так на рыбалку одевается.

– Ну а как? – дед погладил чёрной от загара рукой седую бороду. – Я что, расхристанный ходить буду? Ежели пуговицы есть, так их застёгивать полагаются. Это вы сейчас ходите как оборванцы.

– Так не в такую же жару! – мальчик снова сердито глянул на старика и перевёл взгляд на меня. – Там в одном месте в гору надо подниматься, чтобы дорогу маленько срезать; мы до середины дошли, он встал и говорит: «Всё, помираю, дыханья нет», – и стоит, смотрит на меня, не дышит. Мне аж поплохело. Думаю, сейчас помрёт, чего я с ним тут делать буду? А он ртом только воздух хватает и всё. И глядит на меня. Потом раз вздохнул, другой, ну и оклемався помаленьку.

– Ладно ты, чего затурусил... – старик нахмурил длинные густые брови. – Живой, ну и слава богу. Всяко бывает. До моих годов доживёшь, так я погляжу на тебя.

– Я в твои года дома сидеть буду. Ну или одеваться легче, когда жарко, – мальчишка переложил удочку в другую руку и снова спросил у меня: – А вы на что ловите, если не секрет?

– Да какой тут секрет... На перловку.
– Запариваете?
– Да как сказать... Обычно запариваю, но сегодня времени не было, так просто поварил полчаса и всё. Закутал кастрюлю в полотенце и поехал.

– Ну вот, – мальчишка чуть понизил голос и снова повернулся к деду, – а ты со своими червями всё время. Говорю тебе, надо разные наживки пробовать.

– Так это караси на перловку брать могут, – так же тихо ответил ему старик, – а на речке кого ты там на неё ловить будешь? Пескарей, что ли, с гольянами?

– Да на что они, пескари твои, сдались? Мелочь пузатая. А на перловку, может, чебак бы брал.

– Ты не понимаешь, так молчи лучше, – фыркнул дед. – Пескарь – самая наилучшая рыба будет. Да чего я тебе говорю, сам не знаешь, что ли? Кто на

той неделе чуть не всю жарёху один уплёл? А сейчас пескари ему не глянутся.

– Я ничего против пескарей не имею, но пробовать-то по-разному надо. Вот если не клюют они на червей твоих, так, может, чебаки бы сегодня на перловку брали.

– Ага, держи карман шире, – дед с недовольным видом повернул голову в сторону. – Червяк – он на любую рыбу и на любое время.

– Ну да, то-то весь день сегодня проходили, а домой нести нечего, – на этот раз фыркнул парнишка.

– Как это нечего? Сам же только что говорил, сколь наловили.

– Это за весь-то день? Курам на смех. Кошке на обед не хватит.

– Хватит. Ей тоже есть чего-то надо.

Они стояли и тихонько переговаривались, не обращая на меня никакого внимания.

– А на какой крючок вы ловите? – снова глянул на меня мальчик.

Я неопределённо пожал плечами:

– Да я их не помню по номерам-то, – нагнувшись, я достал из воды удочку и показал парнишке крючок. – Вот, не шибко большой, но и не маленький. Средний.

– Чего ты пристал-то к человеку? – по-прежнему опираясь на свою удочку, дед переступил с ноги на ногу.

– Ничего я не пристал, просто интересно, – мальчишка подошёл поближе и стал разглядывать крючок. – А леска какая?

Я снова пожал плечами:

– Ты знаешь, уже и не помню. Кажется, ноль двенадцать, а может, ноль четырнадцать. Я года три не менял уже.

Дед недовольно покачал головой:

– Какая разница, какая леска? Клевать будет, так с любой наловишь. Раньше вообще на конский волос лавливали.

Мальчик проигнорировал это высказывание и снова спросил меня:

– А вы прикармливаете?

– Это да, конечно, – кивнул я в ответ.

– А какой у вас прикорм? – продолжал выпытывать парнишка.

– Вот пристал к человеку, – буркнул дед себе под нос, но при этом сам с интересом глянул на открытую пачку прикорма, которую я достал из багажника.

– Вот, у меня покупная, – я продемонстрировал яркую цветастую упаковку.

– Ха, – снова усмехнулся мальчик, – на такую-то, конечно, сразу вся рыба приплывёт.

Я улыбнулся:

– Ну не знаю, её тоже иной раз не поймёшь, чего она хочет.

– Ну-ка, ну-ка... – старик всё же не утерпел и, тоже подойдя ближе, нагнулся к пачке с прикормом. Понюхав её, он выпрямился. – Да-а-а... Дух-то какой сладкий. От такой я бы и сам не отказался.

– Вот говорю тебе всегда, надо больше всякого разного в прикорм добавлять, – снова зашептал парнишка, нахмутив брови и сердито посмотрев на деда. – Хоть мёда того же для запаха, а тебе всё жалко. Четыре улья в огороде

стоит, – он снова обращался ко мне, – а две ложки мёда в прикормку добавить не хочет.

– Ну вот, рыбу я ещё мёдом не кормил. Клёв будет, так она и без мёда твоего прибежит. Каши сварил пшённой, и ладно. Ну, может, масла постного ложку положить. Этого добра не жалко.

– Да ну! Тебя не переспоришь...

– Так нечего и спорить. Чего тут спорить-то?

– Гм, – мальчишка хмыкнул и, саркастически скривив губы, посмотрел на меня. – Вот и объясните ему. Как ловил рыбу сто лет назад, так по сей день и ловит.

– А чего мне? – дед достал из кармана пиджака носовой платок, снял шляпу и вытер мокрый лоб. – И раньше ловил, и сейчас ловлю. Правда, рыбы раньше не чета нынешнему было.

– Ну вот, – посмотрел на него снизу вверх внук, – сам же говоришь. А раз рыбы меньше стало, так и ловить её по-другому надо, хитрее как-то.

– Да ну-у... – скептически протянул дед, снова надевая шляпу. – Ежели нет рыбы, так и нет её. Ничем ты её не заманишь. А раньше-то, бывало, тут, пока ещё пруд этот не запрудили, по речке хаживали, так бидонами песканов домой приносили. Это я ещё, считай, мальчонкой был. Корчагу поставишь, так битком набивалась. И чебака, и сороги полно было.

– Вот и повыловили всю, – недовольно буркнул пацан, – что сейчас ловить нечего...

– Ага, ты щас наговоришь, – дед повернулся в сторону и громко высморкался. – Тебя послушать, так я всю рыбу выловил.

– Ну не ты один, так с остальными. Если бидонами её каждый день таскать.

– Разве я сказал, что каждый день таскали? Зачем же... Вот запруд понаделали, рыбы и не стало. Ей же ходить надо, а как она через дамбу вашу пройдёт? Вот и всё.

Дрова стали прогорать, и я подбросил ещё поленьев. Достав котелок, я налил в него воды из привезённой с собой канистры.

– Вот-вот, – протянул старик, – и воду на рыбалку с собой уж брать стали. Дожили... К воде идёшь и воду с собой тащишь. А раньше-то как было – зачерпнул кружкой и готово, пей, сколь душе угодно.

Я смущённо улыбнулся:

– Так тут ведь и коровы ходят, они же сюда и дела свои справляют. Как же эту воду потом пить? Лучше уж подстраховаться.

– Конечно, – поддержал меня парнишка. – Да вы не слушайте его, он наговорит сейчас. У него вечно: раньше, раньше...

– Ну так и чего? Неправда, что ли? – старик вдруг чуть нахмурился, легонько притопнул пару раз левой ногой и как бы между прочим попросил внука: – Ну-ка поддержи меня. – Мальчик взял деда за локоть, тот снял сапог и вытряхнул из него мелкий камушек. – А я думаю, кого тут мне мешается... – пробормотал он тихонько, потом обулся, снова притопнул и опять посмотрел на меня, кивнув на озеро. – Я же не агитирую сейчас её пить. Понятное дело... Я говорю, как раньше, – чистёющая водица была, скусная, покуда прудов-то не понаделали. Речка текла, а она ж вся с родников у нас берётся. Да и пескарь

вот тот же... Он же только в чистой воде живёт. Там вон, в тайге, где мы-то с тобой ходили, – покосился он на внука, – там и сейчас воду пить можно, ежели малёхо подальше зайти.

Я подвесил котелок над костром. Солнце уже полностью спряталось за пригорок на другом берегу, и пруд погрузился в густую тень.

– Ладно, пошли домой, а то старуха нас, поди, уж потеряла, – дед снова погладил бороду. – Топать-то далёко ещё...

– Пошли, а то скоро совсем темно будет, – легко согласился внук. Он подпрыгнул на месте, поправляя рюкзак за спиной, и спросил меня: – Вы-то с ночевой приехали?

– Да, завтра утром на зорьке тоже хочу посидеть.

– Только, может, лучше там, где речка впадает? – предположил мальчик. – Там вода свежее и рыбы побольше должно быть.

– Да ну... – возразил старик. – Я тебе уж сто раз говорил: там же мельче, где речка-то впадает, а крупная-то рыба на глуби стоит, у дамбы.

Внук только помотал головой:

– Ладно, пошли.

– Ну, счастливо вам оставаться, – кивнул мне дед.

– Всего хорошего! – я махнул им рукой, и они вдвоём не спеша пошли вдоль берега в сторону дамбы.

– Дед, а мы завтра куда рыбачить пойдём? – услышал я, как спросил старика мальчик.

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Можно снова по речке походить, а можно сюда, на пруд прийти; может, карасиков потаскаем. А не сюда, так можно куда в другое место собраться. Может, кто из мужиков на дальние озёра поедет, так в попутчики напроситься. Хотя поздно уж сейчас узнавать-то. Чего там тебе твоя интуиция говорит?

Мальчишка задумался на секунду:

– Давай сюда пойдём.

Они медленно удалялись, а я стоял и смотрел им вслед.

– Ну что ж, – согласился старик, – давай сюда.

– Только надо перловки запарить на ночь, чтоб не только на червей ловить, – мальчик приостановился и снова чуть подпрыгнул на месте, поправляя рюкзак за спиной.

– Может, я рюкзак понесу? – предложил дед.

– Нет, не надо, ты и так за день упарился в пиджаке своём, – отказался внук.

– Ну как знаешь... Сейчас придём, так ты спроси у бабушки про перловку, должна быть где-то. Может, и выделит на нашу долю горсточку. Но и червей взять тоже надо будет, там ведь у нас ещё остались, кажись... А лучше свежих подкопнуть.

– Чего, с фонарём сейчас копать пойдёшь? Темно уж.

– Завтра с утра.

– Дед, а мёду дашь? Чтоб в кашу добавить, на прикорм. Чтоб повкуснее была, для запаха.

– Да брось ты, ерунда это всё, – махнул рукой старик.

Они были уже далеко, и голоса становилось трудно разобрать.

– Да почему ерунда-то? Ничего ты не понимаешь, дед!

– Ежели клёв будет, так он и так подойдёт, без мёду.

Больше я их не слышал. В быстро сгущающихся сумерках было лишь видно, как мальчик жестикулировал одной рукой, видимо, что-то доказывая старику, а тот шёл рядом – прямой, высокий, неспешно ступая по просёлочной дороге, идущей вдоль озера.

Я сварил из пакета вермишелевый суп с тушёнкой и с удовольствием поел, сидя под вызвездившим чёрным небом. У берега то и дело плескались ондатры, на середине пруда изредка играла рыба. Вдоль зарослей тальника туда-сюда мельтешили какие-то небольшие пичужки; похоже, что где-то рядом в кустах было их гнездо. Дым от угасающего костра расползлся по берегу, отпугивая комаров. Было хорошо.

Я посидел ещё немного, наслаждаясь ночной прохладой, и, выгнав из салона налетевших туда мух да комаров, полез спать в машину. Завтра нужно будет встать пораньше, чтобы подольше посидеть на утренней зорьке, потаскать ещё карасиков. А там, пока солнце снова не начнёт давить жаром на землю, надо будет и домой собираться.

МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО

За столом на небольшой веранде сидели четверо: хозяин, хозяйка и двое гостей. Гости, супружеская пара Нестеренко: муж Кирилл Владимирович и его жена, несколько часов назад приехали в деревню попроведать своих давних знакомых. Женщины сидели на диване, стоявшем у стены, их мужья – на стульях, каждый напротив своей жены.

Кирилл Владимирович Нестеренко, невысокий полноватый мужчина возрастом чуть старше среднего, облокотившись на стол, задумчиво вертел в руке пустую рюмку и с рассеянной улыбкой смотрел сквозь лёгкий прозрачный тюль в большое окно с частым переплётом. С улицы в открытую дверь, прикрытую от мух марлевой занавеской, доносилось квохтанье кур, гуляющих по двору, далёкий рёв трактора, бряцание собачьей цепи и прочие звуки, характерные для летней деревенской жизни.

– Хорошо тут у вас, – покачал головой Кирилл Владимирович. – Хорошо, спокойно. А мы всё сидим в городе этом безвылазно, осточертело уже. Асфальт, бетон, пылица, духотища...

– Чего-чего, а пылицы и у нас тут хватает, – усмехнулся хозяин, беря пустую на две трети бутылку коньяка. Налив себе и гостю, он взял бутылку с вином, налил женщинам и поднял свою рюмку. – Давайте... За то, чтоб в гости почаще приезжали. А то и вообще в деревню жить перебирайтесь, раз нравится.

– Ну-у... – сложив губы дудочкой, протянул гость и провёл ладонью по лбу с большими залысинами. – Тоже ведь так просто не убежишь. Работа как-никак, дети...

– А чего вам дети? – возразил хозяин. – Они уж у вас взрослые, самостоятельные.

– Не знаю... Вот на пенсию когда пойдём, тогда, может... А, Свет? – Кирилл Владимирович подмигнул жене. – Поедем в деревню жить, когда на пенсию выйдем?

– Ты выйди сперва, – отмахнулась та. – В деревню собрался...

Все взяли свои рюмки, чокнулись, выпили. Спиртное привезли с собой гости, закуска же – тушёная говядина с картошкой, разносолы из погреба да свежая зелень с огорода – была хозяйская. Сидели уже часа полтора. Первая бутылка коньяка заканчивалась, но в углу за диваном стояла ещё одна, припасённая на вечер, на «после бани». Женщины пили меньше, больше болтали, обсуждая общих знакомых и последние новости, поэтому их бутылка едва-едва опустела наполовину.

Хозяин взял с тарелки последний кусок хлеба и посмотрел на супругу:

– Хлеба-то дай ещё, а то чего-то совсем с гулькин нос нарезала...

Та, кряхтя, поднялась с низкого дивана:

– Да там просто в хлебнице немного оставалось, вот и изрезала до конца. Сейчас принесу, в буфете ещё булка была.

– В буфете? – переспросил хозяин.

– Ну да... Булка серого оставалась.

– Так я, это... Я думал, это для скотины. Я её утром ещё овечкам скормил да собаке в кашу искрошил.

– Всю булку, что ли, издержал?

– Ну...

– Тц... – цыкнула хозяйка, покачав головой. – Ну молодец! Значит, нету хлеба больше, в магазин надо топать. Последняя булка это была.

– А магазин-то где? В центре? – спросил гость.

– В центре.

– Ближе-то никакой ларёк не открыли?

– Да ну... Старое бы не закрыли. – Хозяин, нахмурившись, откинулся на спинку стула. – Ничего, сейчас вон Ваську крикну, на велике сгоняет по-быстрому. Десять минут туда, десять обратно...

– Погоди, я это... – поёрзал на стуле Нестеренко, – я чего думаю...

– Чего? На машине, что ли, хочешь? Не надо, выпили уж, а у нас тут и гаишники, бывает, заезжают с района.

– Не, я не об этом. Давай, я лучше сам до магазина сбегаю.

– Пешком, что ли? – удивился хозяин. – Да ну!.. Чего тебе мотаться? Да щас Ваську отправим, делов-то... Всё равно дома сидит, дурака валяет.

– Не... Я это... прогуляться просто охота. По березничку по вашему пройтись, ну и так... перерывчик небольшой сделать, проветриться.

– Вот это правильно, – согласно кивнула Нестеренко-жена. – Иди, провертись.

– А хоть и вдвоём сходите, так ничего, – добавила хозяйка.

– Не, я пас, – замотал головой хозяин. – Да и ты, Кирюха, сидел бы. Чего ноги топтать, не казённые, чай...

– Да говорю ж, по лесу прогуляться хочу, воздухом подышать. Грибов-то нету ещё?

– Да ну, какие грибы... Июнь не кончился.

– Ну почему, – возразила хозяйка, – сыроежки, говорят, попадают.
– Да чего это, грибы, что ли... – возразил хозяин. – Так... название одно.
– Земляники зато нынче полно.
– Ну вот и ладно! – Легонько хлопнув ладошкой по столу, Кирилл Владимирович поднялся со стула. – Значит, земляники заодно поем. У вас тут в лесу дорога-то нормальная, как была? Не перекопали нигде?

– Нормальная дорога, – заверила хозяйка, – там много народу ходит. Да мы и сами там завсегда ходим, когда в центр надо.

Дом, куда приехали погостить Нестеренко, стоял почти в самом конце длинной улицы, огибающей берёзовый лес, врезавшийся клином в село с одного его края. Само село, хоть и было довольно большое, но магазинов имело мало – два продуктовых и один промтоварный, и все они находились в центре. Получалось так, что путь до них можно было срезать, если пойти как раз через этот берёзовый лес. Собственно, если б надо было идти по улице, то Кирилл Владимирович навряд ли бы вызвался сходить за хлебом, пусть ехал бы на велосипеде младший сын хозяев Васька. Но, объясняя своё желание прогуляться, Нестеренко-муж нисколько не кривил душой: действительно давненько не бывал он за городом, вот и захотелось сейчас хоть немного да приобщиться к природе.

– На вот, держи, – хозяйка подала Кириллу Владимировичу полиэтиленовый пакет. – Четыре булки возьми сразу: две белого и две серого. Сейчас денег тебе дам.

– Ну вот ещё! – сердито махнул тот рукой. – Скажешь тоже... Чего у меня, денег нет, что ли! – Свернув пакет, он положил его в поясную сумочку.

– Кирилл, ты только шибко долго не ходи там, – попросила жена.

– Да я махом, туда и обратно, – пообещал муж. – Тут же недалеко.

– Не знаю... – снова с сомнением покачал головой хозяин. – Как по мне, так делать тебе нечего. Отправили бы Ваську... Ну или хоть велик его возьми, всё быстрее будет.

– Не, не надо, я пёхом. А ты иди вон воды пока в баню натаскай, а то потом лень будет. – Кирилл Владимирович сунул ноги в сандалии, надел на голову лёгкую сетчатую бейсболку и вышел на улицу.

Настроение у Нестеренко было прекрасное, а в голове у него гулял лёгкий хмель от выпитого коньяка. Любуясь просторным и светлым от берёзовых стволов лесом, он неспешно шагал по мягкой травке между колеями неширокой грунтовой дороги. Одну руку Кирилл Владимирович сунул в карман брюк, а другой, держа в ней бейсболку, лениво отмахивался от комаров, круживших над головой. Временами, завидев в траве земляничку, Нестеренко сходил с дороги, срывал ягоду и с удовольствием клал её себе в рот. Из густых берёзовых крон доносились трескучие голоса дроздов, там же, вверху, приветливо шумел листвою ветерок, а ещё выше, в ярко-синем солнечном небе, медленно плыли роскошные глыбы белых кучевых облаков. «Может, и вправду со временем в деревню на жительство перебраться, а? – мысленно спросил себя Кирилл Владимирович. – Благодать же... Один воздух чего стóит».

В самом начале дороги навстречу ему попался мальчишка лет десяти, а

когда он прошёл примерно с полпути, то встретил долговязого, с длинными гуцульскими усами, мужика на велосипеде. А ещё через некоторое время Нестеренко увидел впереди кучу мусора, сваленную прямо между деревьев всего в нескольких метрах от дороги. «Ну-у... – Он недовольно поморщился. – Вот вечно всё у нас испохабят. У них же тут даже мульды, кажется, есть, так нет, прямо в лесу вывалить надо».

Дойдя до кучи, Кирилл Владимирович остановился и с недовольной гримасой посмотрел на неё. Это был в основном строительный хлам: куски битого шифера, обрывки рубероида, затвердевший мешок цемента, поломанная лопата, пустые банки из-под краски, какие-то бутылки, тряпки... Чуть в стороне, у невысокого куста рябины, стоял старый грязный диван с провалившейся сидушкой, а рядом с ним лежало на спинке такое же старое и грязное кресло.

Осуждающе покачав головой, Нестеренко собрался было идти дальше, но тут до его слуха донёлся звук, похожий не то на писк, не то на тихий плач. Замерев, он прислушался. Вскоре писк повторился – слабый, тонкий, чуть слышный и очень жалобный. «Кто это там?» – удивился Кирилл Владимирович; звук этот, столь несвойственный летнему лесу, несколько смутил его.

Писк раздался снова, и Нестеренко определил, что идёт он от кресла. Обойдя его кругом, Кирилл Владимирович заметил, что с одного бока обивка была разорвана и как-то неестественно оттопырена, словно бы за ней что-то лежало. Подойдя ближе, он заглянул в дыру: между тканью и листом ДВП было засунуто нечто, завернутое в целлофановый мешок. И тут, словно ощутив близкое присутствие человека, мешок вдруг шевельнулся и из него раздался громкий писк.

От неожиданности Кирилл Владимирович испуганно отшатнулся и отступил на пару шагов назад. «Это чего же такое? – Нестеренко озадаченно почесал затылок. – Кошка там, что ли, или котёнок?» Очевидно, что мешок этот попал сюда совсем недавно, иначе котёнок – ну или кто там был – попросту уже задохнулся бы. «Кто же его сюда запихнул? Неужели это тот мужик на велосипеде? – мелькнуло предположение. – Ну не пацан же...»

В мешке снова запищали – протяжно и просительно, и это уже более походило на скулёж. И слышалась в том писке уже не просьба помочь, а некая обречённость. Кирилл Владимирович сжал кулаки. «Да почему ж ты живьём-то его сюда запихнул, а? – мысленно обратился он к встреченному им мужику на велосипеде. – Ну, сволочь, ну попадись ты мне только!» Наконец, громко выругавшись и пересилив брезгливость и страх, Нестеренко решительно подошёл к креслу, сунул руку за обивку, быстро вытащил целлофановый мешок и сразу же отбросил его в сторону, в траву. Мешок зашевелился, стал разворачиваться, и из него вдруг выкатился котёнок: не сказать, чтоб совсем уж маленький, – может, месячный, а может, и постарше. Он был худой и какой-то весь несуразный, с редкой, пёстрого окраса, шерстью и с большими торчащими ушами. Даже не взглянув на своего спасителя, котёнок громко протяжно запищал и, словно пьяный, шатаясь на нетвёрдых лапках, засеменял куда-то в лес. Нестеренко облегчённо выдохнул, сорвал лист папоротника и вытер им руку, которой доставал мешок. «Так, ну дальше ты уж сам давай, – подумал он, посмотрев вслед котёнку. – Домá рядом, так что разберёшься, куда бежать».

Вытерев тыльной стороной ладони вспотевший от напряжения лоб, Кирилл Владимирович вернулся на дорогу, отряхнул от налипшего мусора брюки и, не глядя более по сторонам, широко зашагал в магазин.

Дойдя до центра села, Нестеренко купил хлеба, а когда вышел из магазина, то заметил у здания почты, которая была напротив, через дорогу, стоявший прислонённым к лавке велосипед. Хоть и не присматривался он там, в лесу, на каком велосипеде ехал встретившийся ему мужик, но сейчас Кириллу Владимировичу показалось, что это именно тот самый велосипед: тоже синий, с небольшими широкими колёсами, со складной рамой.

«Ах ты, паразит!», – подумал Нестеренко. То, что именно владелец данного велосипеда засунул несчастного котёнка в то кресло, у него никаких сомнений прочему-то не было. Что-либо выяснять непосредственно с этим мужиком Кирилл Владимирович уже не хотел, так как гнев к этому моменту поутих, но и оставлять столь гнусный поступок вовсе безнаказанным он не намеревался.

Нестеренко подошёл к велосипеду и с нескрываемой неприязнью посмотрел на него. Глянув по сторонам, он увидел валявшийся в пыли возле лавки кривой ржавый гвоздь. «Ну, сейчас ты у меня покатаешься», – со злорадством подумал Кирилл Владимирович. Снова оглянувшись, – поблизости никого не было – он подобрал гвоздь и быстро ткнул им в переднее колесо. Гвоздь был старый, тупой, поэтому с первого раза резина не поддалась. Ухватив гвоздь поудобнее, Нестеренко вдавил его между рисунком протектора и, с силой крутанув, проткнул покрышку. Из пропоротой дыры с шипеньем и лёгким присвистом вырвался воздух. «Вот так вот», – удовлетворённо подумал Кирилл Владимирович и подошёл к другому колесу. Присев возле него на корточки, он проделал с ним то же, что и с первым. Но не успел он подняться, как услышал позади себя громкий возглас:

– Эй! Ты чего творишь это, а?!

Кирилл Владимирович вскочил и быстро обернулся. В дверях почты стоял – сомнений не было – тот самый долговязый мужик с длинными усами и с возмущённым изумлением смотрел на него.

– Ты чего делаешь, гад?! Ты зачем колесо мне проткнул?

Почти сразу же за мужчиной из здания почты на улицу вышла старушка с маленькой девочкой.

– Чего тут? – поинтересовалась женщина.

– Да вот, колесо мне проткнул! – долговязый показал рукой на Нестеренко.

– Это ваш велосипед? – спросил Кирилл Владимирович, незаметно отбросив гвоздь в сторону.

– Мой, а чей же ещё!

– Ну и вот... – Нестеренко, будучи застигнутым врасплох, несколько растерялся. – И нечего...

– Чего – нечего? – Мужчина угрожающе шагнул вперёд. – Я тебя спрашиваю, ты зачем мне колесо проткнул?

– А животных мучить... нечего...

– Чего?! Каких это ещё животных я мучаю?

Старушка с девочкой не уходили, стояли тут же и с интересом слушали разговор. Кирилл Владимирович добавил:

– Котёнка...

– Какого ещё котёнка?!

– Такого... Которого вы в кресло запихнули. – Нестеренко немного успокоился и взял себя в руки.

– Какое ещё кресло?! – Мужчина присел у велосипеда, осматривая дыру в крышке. Потом, увидев, что переднее колесо тоже проткнуто, закричал: – Так ты чего, и переднее мне пропорол?! Слышь, ты, – гневно глянул он на Нестеренко снизу вверх, – на новые колёса мне деньги гони, иначе я за себя не отвечаю!

Из продуктового магазина вышли ещё две женщины и, увидев, что у входа в почту что-то происходит, подошли ближе. Из-за угла почты появился небритый тип с одутловатым лицом и в галошах на босу ногу. Тоже подойдя ближе, он спросил хозяина велосипеда:

– Сань, чё тут у вас?

– Да вот, – выпрямившись, тот качнул головой в сторону Кирилла Владимировича, – представляешь, колёса мне продырявил, гад. Оба! Выхожу с почты, а он сидит, гвоздиком ковыряет.

– Да ты чё? – небритый с интересом посмотрел на Нестеренко.

– Ну!..

Кирилл Владимирович оглянулся на женщин, стоявших в стороне и молча глазевших на происходящее, взял пакет с хлебом и, не говоря более ни слова, сделал попытку уйти, но долговязый ухватил его за локоть:

– Э, ты куда намылился? Деньги за колёса гони!

Небритый, от которого неприятно пахло застарелым перегаром и чесноком, тоже подступил ближе.

– А ты кто такой вообще? – склонив голову набок, спросил он Нестеренко.

– В смысле – кто я такой? – Кирилл Владимирович попытался освободить локоть, но долговязый держал его крепко.

– В коромысле... – грубовато ответил небритый. – Я говорю, ты откуда такой взялся? Я тебя раньше у нас чего-то не видел.

– Я... я из города. В гости сюда приехал.

Кирилл Владимирович всё же высвободил руку и чуть отстранился от наседавших на него мужиков. Не сказать, чтоб он очень испугался, – как-никак, а день на дворе, да и люди рядом, – но определённое беспокойство всё же чувствовал.

– Слышь, да он бухой! – ощерился вдруг хозяин велосипеда. – В гости он приехал... От него же водярой пахнет! Деньги за колёса гони, я тебе говорю!

– И это... как его... Моральный ущерб надо бы тоже... того... – поддержал его небритый, – компенсировать.

И тут из-за кустов, скрывавших поворот дороги, вывернул и резко остановился с торца здания почты полицейский «уазик». Из-за руля вышел человек в форме, с видимым удовольствием потянулся, потом, увидев, что у входа в почту собрался народ, подошёл ближе:

– По какому поводу собрание?

Увидев его, небритый хмуро отвернулся.

– Ну вот... – недовольно протянул он, – власть пожаловала.

– Что тут у вас? – снова спросил полицейский. На вид он был немного старше Нестеренко, на плечах – капитанские погоны.

– Да вот... – пояснил усатый, кивнув на Кирилла Владимировича. – Вот этот вот... колёса мне у велосипеда пропорол. Гвоздём. Пускай сейчас компенсирует.

– И моральный тоже... – вставил свои «пять копеек» небритый.

Капитан обвёл всех взглядом, посмотрел на Кирилла Владимировича:

– Это правда?

Тот сначала замялся, но потом коротко ответил:

– Правда.

– Гм... Ну и зачем вы это сделали?

– А потому что!.. – Нестеренко вдруг снова почувствовал злость на долговязого. – Живодёр он, животных мучает.

– Кого это я мучаю?! – крикнул тот. – Ты чё гонишь?!

– Тихо, Пьянков, тихо... – капитан поднял руку. Потом снова посмотрел на Нестеренко: – Поподробнее можно?

– Простите, а вы кто? – поинтересовался Кирилл Владимирович.

– Я – местный участковый, капитан Головин, – представился полицейский.

– Понятно. – Нестеренко поставил пакет с хлебом обратно на лавку и хмуро пояснил: – Он котёнка в лесу в целлофановом мешке живьём в кресло запихнул.

И Кирилл Владимирович в подробностях рассказал всё, что случилось с ним в лесу.

– Да чё вы его слушаете, Андрей Ильич! – воскликнул долговязый, глядя на полицейского. – Он же пьяный! Вы понюхайте, от него ж водярой разит за версту!

– Тихо! – остановил его капитан. – Не ори. – Посмотрев на по-прежнему стоявших рядом женщин, сказал: – А вы чего тут выжидаете? Любопытно? Расходимся, расходимся... – Потом снова обратился к Нестеренко: – Давайте ко мне пройдем, там и разберёмся, что к чему. Пьянков, пошли! Остальные свободны.

Женщины, тихонько переговариваясь, пошли от почты, старушка, покачав головой, взяла девочку за руку и тоже пошла прочь, и только небритый мужик остался на месте.

Оказалось, что в том же здании, что и почта, только с торца, находился кабинет участкового. Вернее, сначала шёл небольшой коридорчик с узкой лавкой, а дальше уже был кабинет. Открыв дверь, полицейский вошёл внутрь первым, за ним вошли Нестеренко и хозяин велосипеда.

Сев за письменный стол с компьютером, участковый кивнул на стулья, стоявшие у стены:

– Присаживайтесь.

Нестеренко и хозяин велосипеда сели, но не рядом, а через два стула один от другого.

– Так, – капитан посмотрел на Кирилла Владимировича, – расскажите ещё раз, что там в лесу было.

Нестеренко снова всё рассказал: как шёл через березник, как встретился ему на велосипеде долговязый, как он увидел потом кучу мусора и как услышал писк, как нашёл в кресле котёнка.

– Это, между прочим, жестокое обращение с животными называется. За это даже статья есть в Уголовном кодексе, – закончил Кирилл Владимирович и сердито посмотрел на сидящего у двери долговязого.

– Да что вы его слушаете! – снова закричал тот. – Я ж вам говорю, Андрей Ильич, он пьяный! Вы понюхайте! – возмутился тот.

– Вы пили? – поинтересовался участковый у Нестеренко.

– Ну я же говорил, мы в гости приехали. Конечно, посидели немного, отметили встречу, но это абсолютно не влияет... Запах, может, и есть, но я не пьяный.

– Хорошо, а почему вы решили, что котёнка в это кресло засунул именно гражданин Пьянков?

– Ну а кто ещё? Не пацан же тот. Там больше никого не было.

– Ага, а у тебя свидетели есть?! – вскинулся долговязый. – Ты докажи сперва, а потом уж говори, а то за ложное обвинение тоже схлопотать можно! Это же поклёп получается, Андрей Ильич! – снова обратился к капитану хозяин велосипеда, вскочив со стула.

– Сядь, Пьянков, не прыгай! А лучше выйди-ка ты пока на улицу, там обожди. Но совсем не уходи, я тебя крикну.

Долговязый хотел ещё что-то сказать, но потом лишь недовольно тряхнул головой и вышел прочь.

– Вот что я вам скажу, – выждав паузу, посмотрел на Нестеренко участковый. – Пьянков этот тот ещё товарищ, и я вполне могу допустить, что это именно он котёнка этого... ну... как вы и рассказали. Однако, как бы там ни было, колёса протыкать за это не следует, придётся вам всё же компенсировать ему ущерб.

Кирилл Владимирович хмуρο молчал. Капитан тоже молча смотрел на него.

– И что я должен ему компенсировать? – наконец спросил Нестеренко.

– Я думаю, стоимость двух покрышек и двух камер.

– Сколько это?

– А сейчас мы глянем... – участковый включил компьютер. – В интернете посмотрим. Примерно.

Пощёлкав мышкой, он назвал сумму:

– Ну вот, столько получается.

Нестеренко помолчал, потом сказал:

– А если я тоже откажусь, скажу, что не протыкал я ему ничего.

– Но вы ведь уже сознались.

– А я обратно свои слова возьму.

Участковый пожал плечами:

– Конечно, можете и отказаться, но этот, – он кивнул на окно, – точно тогда заявление напишет, я его знаю. А дружок его скажет, что видел, как вы колёса протыкали. Тогда дело официальный оборот примет. А вы ещё и под хмелем,

отягчающее обстоятельство. Так что на мелкое хулиганство это вполне себе тянет. Статья двадцать-один КоАП. Вот так вот... – Капитан развёл руками. – Вроде бы и ничего серьёзного, мелочь, но всё равно неприятно. Вам оно надо?

– Хорошо, – по-прежнему хмуро кивнул Нестеренко и полез в поясную сумочку за кошельком. Вынув оговоренную сумму, он положил купюры на стол участковому. – А с этого что, как с гуся вода, выходит? – Кирилл Владимирович кивнул в сторону двери.

Капитан пожал плечами:

– К сожалению, да. Ведь он прав – свидетелей и иных доказательств, что всё это сделал он, у вас нет. – Он поднялся и, подойдя к окну, крикнул в открытую форточку: – Пьянков! Заходи.

Дверь открылась и в кабинет вошёл долговязый.

– Пьянков, в общем, слушай сюда. – Снова сев за свой стол, участковый посмотрел на вошедшего. – Вот тебе деньги, – полицейский кивнул на лежащие на столе купюры, – это компенсация причинённого ущерба: на новые покрышки и камеры. Забирай и дуй на все четыре стороны.

Хозяин велосипеда подошёл к столу и, нахмутив брови, сосредоточенно пересчитал деньги.

– Ско-олько? – недовольным тоном протянул он, широко раскрыв глаза на участкового. – Андрей Ильич, да тут на одну камеру...

– Пьянков! – перебил его капитан. – Не наглей. Я посмотрел в интернете, сколько это всё стоит. Так что радуйся, а то я могу и передумать, вообще без ничего останешься.

Долговязый недовольно хмыкнул и покосился на Нестеренко:

– А за моральный ущерб...

– Я тебе сказал, не наглей! – повысил голос участковый. – Моральный ему... Страдалец нашёлся. И это... расписку напиши. – Капитан подал ему лист бумаги и ручку.

– Чего писать-то?

– Пиши: «Я, такой-то, получил столько-то рублей за испорченные колёса своего велосипеда. Дата, подпись».

Долговязый наклонился к столу и, написав, что продиктовал участковый, пододвинул к нему расписку.

– Ладно, – сунув деньги в карман брюк, Пьянков усмехнулся и, прищурив глаза, снова глянул на Кирилла Владимировича, – увидимся ещё...

– Я тебе увижусь! – прикрикнул капитан. – Я тебе что сказал? Иди и радуйся, что новые колёса своему драндулету купишь...

Не говоря более ни слова, хозяин велосипеда вышел на улицу. Участковый проводил его взглядом, потом посмотрел в окно.

– Ну да, купит он... – тихонько пробормотал полицейский. – Камеры заклейт, а деньги пропьют сейчас.

На улице к вышедшему Пьянкову сразу же подошёл небритый мужик в галошах. Они перекинулись парой слов, посмотрели на окно участкового, что-то соображая, и отошли в сторону.

– Так, может, зря ему деньги тогда дали? – спросил Нестеренко. – Раз, сами же говорите, пропьёт.

– А куда деваться? Колёса-то вы ему проткнули, так что... Зря вы это, конечно.

– Да я на эмоциях. Если б он мне там, в лесу, встретился, так точно бы морду ему набил.

– Ну-у... – протянул капитан. – А если б он вам набил? С этого, между прочим, всё и начинается обычно. Сначала ерунда какая-нибудь, а потом... слово за слово, и до убийства, бывает, доходит.

Кирилл Владимирович поморщился:

– Разве это ерунда? Над живым так издеваться.

Участковый протяжно вздохнул:

– Думаете, если б вы набили морду этому Пьянкову, то суд, дойди до него дело, вас оправдал бы? – Отвернувшись от окна, он посмотрел на Нестеренко.

Тот, опустив голову, молчал.

– Вот то-то же...

– Ну и как быть тогда в таких ситуациях?

– Как-как... Вы поговорку «не пойман – не вор» слышали? Ну вот... И как ни крути, а ведь стопроцентной уверенности, что это сделал именно Пьянков, у вас ведь нет? Быть просто не может. Ведь есть шанс, причём не маленький, что это мог сделать кто-то другой, кого вы не видели. Так ведь?

– Так... – согласился Нестеренко. – Хотя...

– Что – хотя?

– Если б это был не он, то он бы тогда так и говорил, что не я, мол, а он говорит, что свидетелей нету, не докажете. Значит – он. Ведь он же этим себя и выдал по сути.

– Выдал... Выдать-то выдал, но ни один суд такие рассуждения за доказательство не примет. – Капитан встал со стула. – Вы, кстати, к кому в гости приехали?

Кирилл Владимирович тоже поднялся и назвал фамилию своих знакомых. Полицейский на секунду задумался.

– Так это, считай, на другом конце села.

– Ну да. Я поэтому через березник-то и шёл. Прогуляться хотел, воздухом подышать.

– Знаете что... От этих товарищей ведь можно чего угодно ожидать, а то я вон смотрю, они не уходят, сидят под тополем, даже в магазин не торопятся. Давайте-ка я вас подброшу на машине, от греха подальше. В мои ведь обязанности как-никак входит ещё и профилактика правонарушений. А то, чего доброго, и вправду начнут с вас за «моральный ущерб» требовать, а там и до кулаков недалеко. Так что... Пойдёмте.

Нестеренко пожал плечами и взял пакет с хлебом:

– Пойдёмте. А то меня, наверное, уже потеряли...